

А.С. Александров, Э.К. Александрова
Санкт-Петербург

**К. Д. Бальмонт и А. А. Измайлов:
из истории взаимоотношений**

Настоящая статья посвящена критической оценке произведений К.Д. Бальмонта со стороны ведущего критика своего времени, беллетриста, пародиста А.А. Измайлова и взаимоотношениям литераторов. Включенный в состав редакции «Биржевых ведомостей» в 1898 году по предложению И.И. Ясинского, уже к 1903 году Измайлов приобрел большую популярность как журналист и критик, стал ведущим фельетонистом, бессменным автором рубрики «Литературное обозрение». Его первые критические выступления были посвящены появлению новых произведений беллетристов и мэтров литературы, биографическим сведениям, театральным премьерам, бенефисам, дебютам актеров и т. д. Наиболее репрезентативные жанры, в которых выступал Измайлов на страницах периодической печати: рецензии, фельетоны, критические циклы, литературные портреты, хроника литературной жизни, полемическая статья с защитой собственных эстетических позиций, беседы, статьи-характеристики.

Уже в начале 1900-х годов намечается еще одна линия в литературно-критической деятельности Измайлова – это статьи о «новых веяниях в литературе». Критик неоднократно декларировал свою независимость от различных школ, политических группировок и направлений, отстаивая право на субъективность оценок при анализе того или иного литературного явления. Но все же он во многом ориентировался на объективный подход в своей деятельности и вменял себе в обязанность «не растеряться, не подчиниться ни силе старины, ни выгодам последней моды, без гнева и пристрастия разобраться в явлениях и именах и напомнить основания вечной красоты».¹ Воспитание на классических образцах русской литературы, абсолютное признание чеховского таланта, встреча с Толстым в Ясной Поляне – все это способствовало формированию определенных критериев беллетристической и критической деятельности, основанной

на позитивистском теоретическом фундаменте. Отсюда поначалу скептическое отношение к творчеству писателей-модернистов. Резкие отзывы о творчестве А. Блока, Вяч. Иванова, М. Кузмина, Д. Мережковского неоднократно выходили из-под его пера.

Первой статьей Измайлова о писателях-модернистах является его критический фельетон, посвященный выходу в 1901 году сборника «Северные цветы». Эта статья, как, впрочем, и многие другие ранние работы о современных веяниях в литературе, исполненная непонимания, копировала злые и резкие выступления В.П. Буренина: «Почти весь заполненный декадентскими кривляньями и козлиными прыжками литературных юродивых, сборник производит тяжелое, тошнотворное впечатление, от которого всегда трудно отделаться при виде гримасничанья и кокетничанья взрослых людей, старающихся казаться не тем, что они на самом деле. Получается представление о каком-то нелепом маскараде дурного тона, о людях, балансирующих на ходулях, надевших на свои лица кровожадные маски, воющих дикими голосами дикие слова, в которых нет смысла, и скрипящих зубами в намерении кого-то запугать. Образец полного и удручающего падения искусства, какой-то безгранично разнузданной литературной хлыстовщины, стихотворного и прозаического словоблудия, характерного для нашей переходной эпохи».² Опубликованные в сборнике стихотворения Бальмонта критик, верный своему литературному кредо «пугала» русского декаданса, как в 1910-е категорически окрестил его карикатурист Ю. Гом-Барг,³ оценивает в негативном ключе, как и сам альманах: «В <...> целом ряде стихотворений К. Бальмонта решительно невозможно доискаться общей идеи и можно улавливать только смысл отдельных двустрочий и стихов. Здесь заявляется, что “жгучие костры – это только, сон игры”, что “во имя глубины, мы страдаем, видя сны”, и “все мы здесь, наоборот, повторяем небосвод”, что в Толедо “застыли громады оконченных снов”, и т. д., и т. д.».⁴ На протяжении двух лет – с 1901 по 1902 – мы не встретим практически ни одной статьи критика, в которой он попытался бы положительно осмыслить происходящие в литературе процессы – только резкое непонимание и осуждение. В общем русле негативно-непонимающих отзывов о деятелях «нового искусства» были написаны статьи о стихотворениях Бальмонта, В. Брюсова, рассказах З. Гиппиус,⁵ «Симфониях» Андрея Белого и др.⁶

Потенциальная опасность остаться за бортом современного литературного процесса, уподобившись маститым, закостенелым, уходящим в отставку критикам умирающего толстого журнала, по-видимому, заставила Александра Алексеевича расширительно взглянуть на произведения лидеров символистского движения. В 1903 году в «Новой иллюстрации», приложении к «Биржевым ведомостям», появляется его обстоятельный фельетон, посвященный сборнику Бальмонта «Будем как Солнце» и творчеству поэта в целом. В этой статье критик признает несомненный поэтический талант автора «книги символов», говорит о нем, как о поэте «с редким запасом образов, новых, ярких и неожиданных, с даром музыкального слова, решительно устранившим всякое соперничество с ним кого-либо из современных поэтов».⁷ Измайлов отмечает, что бальмонтовский «стих приобрел удивительную мощь лаконизма, виртуозности и звучности. В лучших его произведениях, здоровых и трезвых, есть нечто – и многое – от силы и пламенности Лермонтова».⁸ Этот позитивный настрой позволил рецензенту открыть для себя красоты символизма, но не впасть в слепое почитание нового направления. В фельетоне содержится значительное количество критических замечаний, основной претензией к автору является отсутствие смысла в произведении – обвинение, которое Измайлов предьявлял писателям-модернистам неоднократно.⁹ В частности, отмечая в «новых вещах» поэта «отточенный до сверкания стали <...> стих, звенящий, переливающий, гневный или радостный», он полагает, что «всё дальше и дальше от нас, трезвых людей, – отходят его <Бальмонта – А. А., Э. А.> притязания <...>. В терцинах, замечательных по звучности и мягкости, он воспевал шабаши ведьм и свои нежные чувства к суккубам и инкубам, гениям сводни, змеям и дьяволам. Он писал огромные поэмы, в которых нельзя было уловить смысла, кроме как в отдельных строках. Целые пьески, прекрасные по стиху, своеобразные по ритму, полные неожиданных и новых для нашего языка рифм и аллитераций, оказывались бессвязным набором слов».¹⁰

Говоря о взаимоотношениях Измайлова-критика с писателями-модернистами, нельзя обойти стороной необычайно популярные пародии литератора, собранные им впоследствии в книгах «Кривое зеркало» (выдержала до 1915 года пять изданий) и «Осиновый кол» (1915). Здесь Измайлов проявил себя как весьма талантливый сти-

хотворец и человек, тонко чувствующий ритмику стиха. Удалось литератору точно уловить интонацию и стиль З. Гиппиус, С. Городецкого, Бальмонта и других авторов. Современники Измайлова подчеркивали, что, в целом, его задача в пародировании современных ему писателей не столь уж сложна, т. к. поэты, избранные им, в большинстве случаев идут очень далеко в экстравагантности измышлений. Свое отношение к символистским поискам Бальмонта Измайлов считал возможным дополнить пародией, не лишенной «даже некоторого реального содержания», на стихотворение «Испанский цветок» («Я вижу Толедо...»):

Я плавал по Нилу,
Я видел Ирбит.
Верзилу Вавилу бревном придавило,
Вавила у виллы лежит.

Мне сладко блеск копий
И шлемов следить.
Слуга мой Прокопий про копи, про опий,
Про кофий любил говорить.

Вознес свою длань я
В небесную высь.
Немые желанья пойми, о Маланья! –
Не лань я, не вебрь и не рысь!..

О, щель Термопилы,
О, Леда, о, рок!
В перила вперила свой взор Неонила,
Мандрила же рыла песок...¹¹

К 1905 году взгляды Измайлова на происходящие изменения в литературе принимают все более отчетливые очертания. В статье «Литературные заметки. О новом времени и новых песнях» критик заявлял: «Через несколько лет становилось совершенно ясно, о чем пророчествовали эти странности, и то, что они были только уродливыми первыми опытами, как бывают уродливы буквы начинающего писать. И теперь, когда линии установились, за декадентством нельзя отрицать известных и несомненных заслуг».¹² На протяжении долгих лет Измайлов следит за творчеством Бальмонта. В 1908 году в целом отрицательно оценивая сборник «Зовы древности» (СПб.,

1908), литератор называет автора «подлинно поэтической» душой.¹³ В том же году в программной статье «На переломе. Литературные размышления» критик относит Бальмонта к «крупным талантам»¹⁴ и признает его большие заслуги в литературе. Если статьи до 1910-х годов отличались порой резкостью оценок творчества и нередко носили характер поспешного приговора, то теперь отличительной их чертой является уравновешенность, стремление понять те явления современной литературы, которые подчас не отвечали его эстетическим взглядам и пристрастиям. И хотя от резкости суждений, а порой и убийственной иронии критик не мог отказаться, что противоречило бы его натуре, однако изменение отношения к «новой литературе» и вовлечение в критико-аналитическую сферу ее сложнейшей проблематики очевидно, что позволяет говорить об определенной линии эволюции. Наиболее обстоятельные статьи, посвященные «поэту с утренней душой», были написаны Измайловым в 1909–1913 годах и позже вошли в его книги о современной литературе «Помрачение божков» и «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья».¹⁵ Выступая со статьями о поэтах-символистах, автор отмечает характерные особенности этого направления: «психологичность» и тяготение к символу. Центр тяжести в сюжете, а не в округленности психологического настроения, которое покрыло быт. Со стороны формы – легкость, воздушность, каких не знала старина. Стали тонкими, изящными формы новеллы, большие завоевания произошли в области ритма не только стиха, но и прозы. Эти особенности критик относит в первую очередь к таким писателям, как В. Брюсов, А. Блок, Бальмонт, определяя их поэзию как импрессионистическую лирику.¹⁶ Характерной чертой измайловских фельетонов о модернистах является то, что творчество того или иного писателя он включает в определенную литературную традицию, опираясь в этом на высказывания самих поэтов о своем творчестве и на собственное художественное чутье. Подобный метатекстуальный подход, попытки найти диалогические связи новой поэзии с предшествующей литературной традицией, желание вписать того или иного автора в близкую и знакомую литературную эпоху обусловлены, с одной стороны, желанием понять поэзию «тайн, неведомого, незнанного», и с другой – помочь публике подняться на уровень автора произведения, разъяснить новые творческие интенции, эстети-

ческие принципы возникающего художественного направления. Измайловское деление «новых веяний» в литературе было предельно условным и создано им в первую очередь для уяснения сути происходящих трансформаций. Выстроенная им система позволила в итоге оформить многочисленные разбросанные газетные и журнальные фельетоны в сборники, вышедшие отдельными книгами, – «Помрачение божков и новые кумиры» (1910), «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья» (1913). Эти сборники нельзя рассматривать как простое переиздание ранее опубликованных статей. Его книги представляют собой концептуальное единство, синтез. Статьи, объединенные в книги, обнаруживают новые стороны, производят впечатление большей цельности, чем на газетной полосе или в журнале.

В письмах Бальмонта к Измайлову критические высказывания последнего не затрагиваются: их эпистолярный диалог ведется в сугубо практической направленности.¹⁷ В 1907–1909 годах корреспонденты обсуждают насущные вопросы, связанные с изданиями собраний сочинений Г. Гауптмана¹⁸ и К. Гамсуна.¹⁹ В 1907 году Измайлов выступил секретарем затеянного в издательстве А.Ф. Маркса трехтомного собрания сочинений Герхарта Гауптмана как приложения к журналу «Нива»: он вступил в переговоры с переводчиками, вел переписку с авторами от имени издательства, написал небольшие предисловия-справки к крупным произведениям, вводя читателей в художественный мир немецкого драматурга. В этом новом для себя качестве Измайлов в конце ноября 1907 года обратился к Бальмонту с предложением об участии в проекте. Из Бельгии поэт откликнулся на предложение: «Я люблю Гауптмана и охотно возьмусь перевести несколько его вещей, но прозаических. А именно: мне хотелось бы перевести “Эльгу”,²⁰ “Одиноких людей”,²¹ “Возчика Геншеля”.²² Не отказался бы и от “Микаэля <так!> Крамера”.²³ Условия вознаграждения, пожалуйста, определите Вы сами, так как Ваше предложение отличается от обычных (Вы приобретаете право на работу, связанную с моим именем, навовсе). Корректуры я всегда держу сам (от двух до трех, в зависимости от аккуратности типографии), и не задерживаю их».²⁴ Бальмонт оперативно принялся за работу и уже 16 января 1908 года отправил в редакцию перевод «Михаэля Крамера», который он выполнил в соавторстве с Екатериной Алексеевной

Бальмонт (урожд. Андреевой). Соавторство Андреевой послужило причиной некоторого неудовольствия со стороны редакции, которая, по всей видимости, первоначально не была настроена помещать ее имя под переводом. 30 апреля 1908 года Бальмонт, перечисляя прежние переводческие заслуги супруги, с обидой писал Измайлову: «Относительно имени Ек<атерины> Андреевой, с которой я делал перевод Гауптмана и Зудермана для Скимунта²⁵ и которая есть переводчица Мутера²⁶ и Уайльда,²⁷ просьба редакции мне, простите, кажется изумительной. Вы, конечно, понимаете – и мне не нужно повторять, – что я настаиваю на этом имени не потому, что Ек<атерина> Андреева как-н<и>б<удь> со мною связана, а потому, что это весьма ценное переводческое имя. Если, однако, мои слова неубедительны, – Вы ведь *меня* приглашали переводить Гауптмана, а *не меня и ее*. Право внешнее за Вами. Обиды не будет. Но несправедливость мне кажется очевидной. Повторяю: как хотите».²⁸ Колебания редакции объясняются авторитетом заявленных в анонсе издания и на деле участвующих в проекте переводчиков, однако просьба указать имя Е.А. Андреевой издательством А.Ф. Маркса была выполнена.²⁹ Обида чувствуется и в последнем пассаже бальмонтского письма, когда поэт по поводу своих стихов, опоздавших для пасхального номера «Биржевых ведомостей», пишет: «Со стихами, посланными мною в “Бирж<евые> вед<омости>” и пришедшими туда несвоевременно, делайте, что хотите. Мне всё равно. Бросьте в камин, например».³⁰

В 1907–1909 годах в издательстве А.Ф. Маркса было предпринято издание пятитомного собрания сочинений Кнута Гамсуна в связи с приближавшимся 50-летним юбилеем писателя (книги выпускались как приложение к «Ниве»); секретарем редколлегии вновь было предложено стать Измайлову. Для этого проекта Александр Алексеевич в соавторстве с М.П. Благовещенской подготовил критико-биографический очерк о норвежском драматурге.³¹ В октябре 1909 года критик обратился к Бальмонту с предложением о сотрудничестве. Из Лондона поэт живо откликнулся и готов был подготовить целый корпус объемных текстов: «...меня очень радует Ваше предложение. Я сроднился с творчеством Гамсуна и охотно возьмусь перевести несколько его вещей. <...> Прошу обратить внимание на то, что я перевожу Гамсуна с норвежского и что воссоздание его творчества зна-

чительно труднее, чем переводы вещей Гауптмана. Вот вещи, которые я просил бы оставить за мной, если они еще не отданы никому. Настаиваю (если возможно именно на них).

- *1. Виктория. (Уже наполовину готова).
- *2. Съеста. (Могу приготовить очень быстро).
- 3. Игра жизни. (Драма). (Также).
- *4. Пан.
- 5. Новь.
- 6. Мистерии. (Одну из этих двух, безразлично какую).

Вещи, отмеченные звездочками, я люблю более всего из творчества Гамсуна и мысленно жил с ними несколько лет.³² Однако в этом собрании Бальмонту отводилась более скромная роль: для перевода поэту было предложено лишь несколько рассказов из книги Гамсуна «Сиеста» (1897) – тексты вошли в четвертый том собрания сочинений. Выбор переводчика для романа «Виктория» (1898) был сделан не в пользу громких имен.³³

Шестилетний перерыв в переписке литераторов привел к утрате былых связей, так что когда весной 1915 года Измайлов попросил дать стихи для пасхального номера и более активно сотрудничать в «Биржевых ведомостях», Константин Дмитриевич даже не мог вспомнить имени и отчества своего давнего корреспондента. Примечательно, что именно в этот период Измайлов возобновил эпистолярные контакты с другим ярким представителем символизма. С весны 1915 года в «Биржевых ведомостях» начал активно печататься В.Я. Брюсов, в этот период выполняющий роль неофициального военного корреспондента «Русских ведомостей» в прифронтовой зоне. Удаленность от столицы, материальные трудности – всё это способствовало интенсивному сотрудничеству Брюсова в «Биржевых ведомостях», «Огоньке», «Новом слове» через посредство Александра Алексеевича.³⁴ Возобновление сотрудничества Бальмонта с «Биржевыми ведомостями» в 1915 году позволило также привлечь к участию в газете М. Волошина, который в это время гостил у него в Париже. За год (с апреля 1915 по апрель 1916, до тех пор, пока Измайлов возглавлял литературный отдел «Биржевых ведомостей») на страницах газеты и ее приложений появилось более трех десятков произведений Бальмонта (большинство стихотворений вошло в сборник «Ясень»)³⁵.

Широкий круг знакомств в литературно-художественной среде, активная переписка позволили Измайлову проявить себя в особом для журналистики жанре – интервью. Отметим, что интервью начала XX века не ограничивалось исключительно беседой журналиста и интервьюируемого. В нем содержались элементы аналитики и образности: портретные зарисовки, описание внешности, быта и т. д. Не случайно свою книгу «Литературный Олимп», в которой Измайлов собрал свои многочисленные газетные интервью, он снабдил подзаголовком: «Характеристики, встречи, портреты, автографы». Статьи, написанные в жанре интервью, сам автор называл «беллетристическими репортажами». В начале лета 1915 года состоялось личное знакомство Измайлова и Бальмонта, о нем последний упоминает в письме от 20 июня 1915 года. По-видимому, результаты этой беседы, состоявшейся в «Северной гостинице», изложены корреспондентом в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» от 28 мая.³⁶ Поэт делится с корреспондентом своими впечатлениями от жизни во Франции, своим восприятием войны, творческими планами: «На чужбине я жил напряженной внутренней жизнью и за зиму написал новый том стихов. Я чувствовал себя сосредоточенным, как бы замкнутым в башне. Мои литературные знакомые находят, что этот том совершенно нов по построению. В прямом смысле война вошла сюда незначительными элементами <...> Я назову книгу „Ясень. Видение Древа“. По значительности она мне кажется идущей за моей книгой „Будем как Солнце“. Личного стихотворения здесь нет ни одного».³⁷ Во время этого свидания речь шла также о возможной публикации собрания сочинений Бальмонта в виде приложения к журналу «Нива». В письме от 20 июня поэт просил содействия Измайлова как секретаря издательства в продвижении проекта. Однако издание не было осуществлено. По-видимому, личные встречи продолжились и после.³⁸

Май и начало июня 1915 года прошли для поэта под знаком опасной болезни Е.К. Цветковской, которая по дороге из Франции в Россию заболела крупозным воспалением легких: «...все эти три недели я просидел в Москве, ведя вместе с докторами борьбу со смертью»,³⁹ – так объяснял он задержку обещанных для газеты материалов. 24 июня из деревни Ладыжино близ Тарусы, где Бальмонт провел лето и начало сентября 1915 года, он делится с петро-

градским адресатом своими впечатлениями: «Места очень красивы. Ока, луга, леса, рожь в человеческий рост и выше. Но как всегда, вначале, после Юга и океана, сердце здесь сжимается. Много слез в нашей красоте».⁴⁰

В конце сентября из Петербурга Бальмонт отправился в свою первую большую поездку по России. Первым пунктом назначения стали кавказские города Тифлис и Кутаис. Оттуда на русский север – Вологда, Ярославль, Пенза, Саратов, Пермь. 2 ноября 1915 года он писал Измайлову: «Я в колесе вращающемся весьма быстро. Посему до Саратова от града Невы лишь хотел написать Вам, и не мог. Шлю 5 сонетов пока.⁴¹ Из Самары или Уфы, куда сегодня уезжаю, напишу Вам о своих впечатлениях от поездки (Тифлис, Кутаис, Вологда, Казань, Саратов – города, меня не только приветствовавшие шумно, но частью прямо венчавшие). В декабре вернусь в Питер».⁴²

В начале декабря поэт послал в редакцию несколько текстов, которые впоследствии планировал поместить в сборнике «Ясень».⁴³ Бальмонт несколько раз давал обещания прислать прозаические тексты для публикации в «Биржевых ведомостях»: «На ближайшей неделе начну доставлять Вам маленькие, совсем маленькие рассказы – о моем путешествии по России, и что-то о Войне, что-то о нетленном». Они были исполнены уже при новом руководителе литературного отдела газеты – А.Л. Вольнском. В начале 1916 года Измайлов, после долгих колебаний, принял решение возглавить редакцию «Петроградского листка» и уйти из «Биржевых ведомостей». Показательно, что многие авторы, приглашенные некогда литератором к сотрудничеству в «Биржевых ведомостях», были растеряны этим известием и обращались к Измайлову за разъяснениями. После ухода Александра Алексеевича из газеты Бальмонт продолжил участие в петербургском издании, публиковал стихи, путевые очерки о Японии, статьи, переводы, рассказы.⁴⁴ Измайлов же на новом посту задумал реформировать на тот момент популярную газету, не выделяющуюся из общей массы бульварной прессы для городских низов, – и успешно справлялся с этой задачей, привлекая к сотрудничеству известных литераторов и общественных деятелей.⁴⁵ По-видимому, он обращался с предложением о сотрудничестве в «Петроградском листке» и к Бальмонту, однако следов его участия в издании не обнаружено.

Проницательный критик произведений реалистического направления, по отношению к творчеству модернистов Измайлов, прежде всего, известен как талантливый пародист, резко отрицательно воспринявший первые опыты нарождающегося течения. Со временем взгляды приверженца реализма на литературную продукцию модернистов претерпевают определенную эволюцию. В особенности это ярко прослеживается на отношении Измайлова к творчеству Бальмонта и Брюсова,⁴⁶ имена которых часто соседствуют на страницах его рецензий.⁴⁷ Прогрессивный настрой 1907 года позволил критику открыть для себя красоты символизма, не впадая, однако в слепое почитание нового направления: «Приверженец реализма, поклонник творчества Л. Толстого и А.П. Чехова, он, проповедуя принципы “объективной”, нетенденциозной критики, смог создать яркие характеристики представителей “нового искусства”, перейдя от скептических оценок к признанию достижения “психологически-символистской школы”».⁴⁸ В этот период статьи Измайлова о «новых веяниях в литературе» выстраиваются в определенную систему: на примере творчества модернистов им выделены три направления, определенные в терминах «импрессионистическая лирика» (А. Блок, В. Брюсов, К. Бальмонт); «неоархаизм» (А. Ремизов, С. Ауслендер, В. Брюсов); «произведения, наполненные натуралистическими сценами» (Л. Зиновьева-Аннибал, М. Кузмин, В. Муйжель, Н. Сергеев-Ценский).⁴⁹

Приведенный выше обзор критических отзывов Измайлова о поэзии Бальмонта позволяет существенно скорректировать распространённое мнение о критике как о непримиримом противнике модернистского направления в литературе. Подобная эволюция произошла во взглядах критика по отношению к самым ярким представителям символизма – В.Я. Брюсову, А.А. Блоку, К.Д. Бальмонту.

¹ *Измайлов А.А.* Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе. М., 1910. С. IV.

² *Измайлов А.А.* Литературные заметки // Биржевые ведомости. 1901. 26 мая. (№ 140). С. 2. Далее в сносках использовано усл. сокращ.: БВ.

³ Наст. имя – Юлий Яковлевич Гомбарг-Идарский (1880–1954); см. его карикатуру на обложке журнала «Оса» (1912. № 9).

⁴ *Измайлов А.А.* Литературные заметки // БВ. 1901. 26 мая. (№ 140). С. 2.

⁵ Исключение составляет рецензия на рассказ З. Гиппиус «Чистая сердцем». Ср.: *Измайлов А.А.* Литературные заметки // БВ. 1901. 6 августа (№ 212). С. 1–2.

⁶ См. статьи за 1902 год: *Измайлов А.А.*: 1) Литература: «Северные цветы на 1902-й год» // БВ. 1902. 22 июня. (№ 167). С. 3; 2) Литература: «Северные цветы на 1902-й год» // Там же. 28 июня. (№ 173). С. 3; 3) Литература: Литературные впечатления // Там же. 6 августа (№ 212). С. 3.

⁷ *Измайлов А.А.* Литературные заметки: В безднах декаданса: («Будем как Солнце», книга символов К.Д. Бальмонта) // Новая иллюстрация. 1903. № 27. С. 213.

⁸ Там же.

⁹ Подробнее см. вступ. ст. к письмам А.А. Блока в изд.: А.А. Измайлов: Переписка с современниками / Сост., вступ. ст. А.С. Александрова; предисловия, подгот. текстов и примеч. А.С. Александрова, Э.К. Александровой, Н.Ю. Грякаловой. СПб., 2017. С. 598–606.

¹⁰ *Измайлов А.А.* Литературные заметки: В безднах декаданса: («Будем как Солнце», книга символов К.Д. Бальмонта). С. 214. Ср. также рецензию на третий альманах книгоиздательства «Скорпион» «Северные цветы» (М., 1903), который Измайлов, в целом, высмеял как «пустопорожнее место», но выделил стихотворение В.Я. Брюсова «Habet illa in alvo» за глубину мысли, звучность стиха и смелость темы (*Измайлов А.* Литературные мелочи: «Северные цветы» // БВ. Утр. вып. 1903. 25 авг. (№ 419). С. 2). Насмешливо-пародийный тон сменяется на серьезный и осмысленный в фельетоне, посвященном выходу сборника Брюсова «Urbi et orbi» (*Измайлов А.А.* Литературные заметки. [Новая более определенная фраза декадантства. – Книга стихов Валерия Брюсова. – «Urbi et orbi»] // Новая иллюстрация. 1903. № 47. С. 374).

¹¹ *Измайлов А.А.* Литературные заметки: В безднах декаданса: («Будем как Солнце», книга символов К.Д. Бальмонта). С. 214.

¹² *Измайлов А.А.* Литературные заметки: О новом времени и новых песнях // БВ. Утр. вып. 1905. 8 апр. (№ 8764). С. 2.

¹³ См.: *Измайлов А.А.* Литературная пестрядь: (Заметки и впечатления) // Образование. 1908. № 8. Отд. 3. С. 7–17.

¹⁴ См.: *Измайлов А.А.* На переломе: Литературные размышления. СПб., 1908. С. 56–57.

¹⁵ См.: *Измайлов А.А.*: 1) В литературном мире: [Пленная мысль в русском стихотворстве. – Скромность Бальмонта. – Литературное бильбоке. – Новая книга Андрея Белого] // БВ. Утр. вып. 1909. 3 июня. (№ 11137). С. 2; 2) Хмель на руинах: (Новое и старое) // *Измайлов А.А.* Помрачение божков. С. 1–51; 3) В покинутой кумирне // *Измайлов А.А.* Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья. М., 1913. С. 73–86. Этот период деятельности будет оценен рецензентами так: «Критика А. Измайлова – типичная критическая работа уравновешенного и спокойного представителя “золотой середины”. В потоке новаторских литературных исканий и увлечений Измайлов постарался укорениться на некоем срединном месте, компромиссной позиции между новым и старым» (*Ронин А.А.* Измайлов Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья. М., 1913 // Новый журнал для всех. 1913. № 4. С. 178).

¹⁶ *Измайлов А.А.* На переломе: (Литературные размышления) // Библиотека «Театра и искусства». 1908. № 1. С. 50. Если творчество Брюсова и Бальмонта критик принял практически сразу же после выхода первых сборников этих поэтов и уже в 1903 году писал доброжелательные рецензии, то к творчеству А. Блока относился на протяжении долгого времени настороженно. Не принял Измайлов и драматические новшества поэта, написав на постановки «Балаганчика» и «Незнакомки» резкие рецензии.

¹⁷ На сегодняшний день выявлены 15 писем Бальмонта к Измайлову – 11 из них сохранились в ИРЛИ (ф. 115, оп. 3, ед. хр. 24); 1 письмо – в РГАЛИ (ф. 227, оп. 3, ед. хр. 3); еще 2 – в РНБ (ф. 309, ед. хр. 2). Местонахождение писем Измайлова к Бальмонту неизвестно. Письма опублик.: А.А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 635–648. В настоящей статье цит. по этому изданию с указ. страницы.

¹⁸ См.: Гауптман Г. Полн. собр. соч. В 3 т. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1908.

¹⁹ См.: Гамсуна К. Полн. собр. соч. В 5 т. / С критико-биограф. очерком А.А. Измайлова и с прил. портр. К. Гамсуна. СПб.: Т-во А.Ф. Маркса, 1910.

²⁰ «Эльга» (постановка 1905) – драматические сцены в 6-ти картинах, перевод выполнил Бальмонт в соавторстве с Е.А. Андреевой (см.: Гауптман Г. Полн. собр. соч. В 3 т. СПб., 1908. Т. III. С. 235–279).

²¹ «Одинокие» (вариант перевода названия: «Одинокие люди», 1891) – драма в 5-ти действиях; перевод пьесы Гауптмана выполнил В.М. Саблин.

²² «Возчик Геншель» (1898) – драма в 5-ти действиях; перевод пьесы выполнил А.М. Федоров.

²³ «Михаэль Крамер» (1900) – драма в 4-х действиях; пьеса переведена Бальмонтом в соавторстве с Е.А. Андреевой (см.: Гауптман Г. Полн. собр. соч. В 3 т. СПб., 1908. Т. II. С. 219–278).

²⁴ А.А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 635.

²⁵ Имеется в виду: Гауптман Г. Собр. соч. В 3 т. / Пер. с нем. под ред. К.Д. Бальмонта. М.: С. Скирмунт, 1902; Зудерман Г. Собр. драматич. соч. В 2 т. / Пер. под ред. К.Д. Бальмонта. М.: С. Скирмунт, 1901. Е.А. Бальмонт был сделан перевод драмы Г. Зудермана «Гибель Содомы». С.А. Скирмунт, издатель и книготорговец.

²⁶ Подразумевается совместная работа над изданием: Мутер Р. История живописи. В 3 т. / Пер. с нем. под ред. К. Бальмонта. СПб.: Т-во «Знание», 1901–1904. Соредактором в части тиража также указан А. Бенуа.

²⁷ См.: Уайльд О. Саломея: Драма в 1 д. / Пер. с фр. оригинала К.Д. Бальмонта и Ек. Андреевой. СПб.: Сириус, 1908.

²⁸ А.А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 638.

²⁹ Так, например, имя Любови Дмитриевны Блок, выполнившей переводы рассказов «Рабы любви», «Победитель», «Отец и сын», «Голос жизни» для четвертого тома собрания сочинений Гамсуна изд. «Нива», не упомянуто. В качестве переводчика указан Александр Блок, который в связи со смертью отца и последующей болезнью не мог выполнить заказ издательства и перепоручил его супруге. Ср. его письмо Измайлову от 21 декабря 1909 года: «Дела с Гамсуном обстоят так: во время моего отсутствия рассказы переводила моя жена, они почти готовы, но я еще не успел их прочесть и проверить перевод. Позвольте, поэтому, предложить Вам следующее: если я найду перевод удачным, или предложить его Вам с именем жены, или с подписью: “под редакцией А. Блока”; или, наконец, с моей подписью; во всех случаях я проредактирую текст, но, если только возможно, дайте мне отсрочку» (А.А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 608).

³⁰ Там же. С. 639. Стихотворение было напечатано позже в приложении к газете; см.: Бальмонт К. Из Гейне («Твои белые лилии-пальцы...») // Огонек. 1908. 8 июня. № 23. С. 10.

³¹ См. об этом: А.А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 617–629.

³² Там же. С. 639–640.

³³ На эту работу претендовал и А. Блок. См. об этом: А.А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 607. Текст был подготовлен ныне забытой переводчицей А.А. Соколовой, которая также перевела для издания повесть «Под осенней звездой» (1906), роман «Роза» (1908) и целый ряд рассказов для пятого тома. См. об этом: *Александров А.С.* «Вы имеете полное право переводить все, что только пожелаете...»: (Кнут Гамсун в переводах русских писателей) // Россия и Скандинавия: Литературные взаимодействия на рубеже XIX–XX вв. М., 2017. С. 207–216.

³⁴ По всей видимости, возобновление эпистолярного контакта с Брюсовым было частью редакторской политики «Биржевых ведомостей». В это время в газетах произошло естественная смена акцентов с одних материалов на другие. Издатели почувствовали необычайный интерес читателя к материалам на военную тему, корреспонденты отправлялись на фронт для репортажей. Об эволюции взаимоотношений Измайлова и Брюсова см.: *Александрова Э.К.* К истории взаимоотношений А.А. Измайлова и В.Я. Брюсова: (По материалам переписки 1909–1917 гг.) // REOSIANAG: Journal of Institute for Russian and Altaic Studies / Chungbuk National University. 2017. № 2. С. 203–228; Переписка А.А. Измайлова и В.Я. Брюсова / Вступ. ст., подгот. текста, коммент. Э.К. Александровой // А.А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 132–233; *Александрова Э.К., Александров А.С.* «...Доставить минуту доброго настроения в реванш прежних огорчений» (А.А. Измайлов и В.Я. Брюсов: По архивным материалам) // Брюсовские чтения 2016 года: Сборник статей. Ереван, 2017. С. 136–148.

³⁵ См. по указателю: Библиография К.Д. Бальмонта. Т. 1: Произведения поэта на русском языке, изданные в России, СССР и Российской Федерации (1885–2005 гг.). Иваново, 2006; *Азадовский К.М.* Дополнения к «Библиографии К.Д. Бальмонта» // Новое литературное обозрение. 2008. № 89. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/asa31-pr.html>

³⁶ См.: <Б. n.>. У К.Д. Бальмонта // БВ. Утр. вып. 1915. 28 мая. (№ 14869). С. 5. Статья помещена без подписи, под рубрикой «В литературном мире», что наряду с письмом Бальмонта от 20 июня 1915 г. (ср.: «Если бы Вы, Александр Алексеевич, отнесся ко мне при нашей встрече с такой искренностью...») – А.А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 642), позволяет с большой долей уверенности предполагать, что интервьюером выступил Измайлов.

³⁷ <Б. n.>. У К.Д. Бальмонта. С. 5.

³⁸ Так в письме от 4 декабря Бальмонт любезно приглашает Измайлова: «Хочется свидеться с Вами. Каждый четверг меня наверно можно застать от 4-х до 7-ми. Но и в другие дни я всегда буду Вам рад» (А.А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 647).

³⁹ Там же. С. 642.

⁴⁰ Там же. С. 643.

⁴¹ По-видимому, речь идет о цикле сонетов «Лунный обелиск». В РГБ сохранилась машинопись цикла, которая включает четыре сонета: «Обелиск» («Когда и шум, и рев, и вой, и крик, и писк...»), «Владычица» («Владычица великой тишины...»), «Встреча» («Она приподнялась с своей постели...»), «Успокоенная» («Ненарушимые положены покровы...») (ф. 374, карт. 1, ед. хр. 14, л. 1–4). Очевидно, тексты были предоставлены для печати, и Измайлов в следующем письме просил разрешения разбить цикл на несколько частей для удобства помещения в газете. Автор не дал согласия, подчеркнув в письме от 4 декабря: «P. S. Сонеты “Лунный обелиск” неразъедини-

мы» (А.А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 647), – произведение не было опубликовано в «Биржевых ведомостях».

⁴² А.А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 645. Подробнее о поездке Бальмонта см.: *Азадовский К.М., Дьяконова Е.М.* Бальмонт и Япония. М., 1991. С. 32.

⁴³ См. по указателю: Библиография К.Д. Бальмонта; *Азадовский К.М.* Дополнения к «Библиографии К.Д. Бальмонта».

⁴⁴ В этот период вплоть до закрытия в 1917 году он поместил в газете более тридцати произведений, многие из которых вошли в книги «Ясень» и «Сонеты Солнца, Мёда и Луны». Подробнее см. по указателю: Библиография К.Д. Бальмонта; *Азадовский К.М.* Дополнения к «Библиографии К.Д. Бальмонта». По-видимому, подробности дальнейшего сотрудничества поэта с «Биржевыми ведомостями» отражены в переписке с новым заведующим литературным и библиографическим отделом газеты А.Л. Волинским. Местонахождение их корреспонденций этого периода неизвестно.

⁴⁵ О преобразованиях, которые совершились в «Петроградском листке» под руководством Измайлова см.: *Александров А.С.* А.А. Измайлов – реформатор «Петроградского листка» (1916 – 1918) // Русская литература. 2008. № 4. С. 133–142; *Шмагул О.В.* Известные журналисты в газете «для дворников и лакеев» // Медиаскоп: Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2016. Вып. 3. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2140>

⁴⁶ Блестящее знание литературы, искреннее стремление понять автора и нередко столь же глубокое непонимание, отстаивание своих собственных эстетических взглядов, которые не были вписаны в какие-то литературные группировки – именно так говорили об Измайлове современники. Эти качества вызывали уважение даже у раскритикованных им писателей. Резкие высказывания о «новых поэтах» не мешали ему состоять с «объектами» критики в дружеских отношениях, как это было, например, с Леонидом Андреевым или Брюсовым. См. подробнее: А.А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 37–131, 132–233.

⁴⁷ Ср.: «Первенство на русском Парнасе разделяет с Брюсовым Бальмонт» (*Измайлов А.* Помрачение божков. С. 23).

⁴⁸ Александр Блок: Pro et contra. СПб., 2004. С. 637.

⁴⁹ См. подробнее: *Александров А.С.* Вячеслав Иванов в критической оценке А.А. Измайлова // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования: Вып. I. СПб., 2009. С. 421.